

УДК 811.161.1

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ
«ПИЩА» В РОМАНАХ И.С. ШМЕЛЕВА «БОГОМОЛЬЕ»
И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Г.Х. Гилязетдинова, Л.Н. Багманова

Аннотация

В статье рассматривается специфика репрезентации лингвокультуры «пища» в художественном дискурсе И.С. Шмелева, исследуется созданная автором модель названной лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура, модель лингвокультуры, вербализаторы лингвокультуры.

Современная антропологическая лингвистика изучает как собственно лингвистические формы и речемыслительную деятельность в целом, так и воплощенное в языковых единицах и категориях мировосприятие носителей языка. Основная единица лингвокультурологии – лингвокультура – представляет собой, по мнению В.В. Воробьева, диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (языкового и внеязыкового) содержания, причем если сфера слова ограничена только языком, то сфера лингвокультуры распространяется и на предметный мир [1].

Роль лингвокультуры «пища» в отражении особенностей национальной культуры, специфики культурных сценариев и стереотипов велика. В традиционной культуре пища служила символом богатства. Угощение позволяло продемонстрировать положение хозяина в обществе, выразить благодарность. В христианской культуре лингвокультура «пища» включает в себя как конкретные названия отдельных блюд и продуктов, так и архетипические образы с сакральным смыслом, например образ божественного дара.

Лингвокультура «пища» характеризуется высокой частотностью употребления репрезентирующей ее лексики (названия продуктов, блюд из них, способов их приготовления, номинации, указывающие на порядок приема пищи) в текстах различных типов. Особый интерес представляет функционирование исследуемой лингвокультуры в семиосфере художественного текста, дуализм которого и создает «удвоение» мира в слове.

Содержание лингвокультуры «пища» в романах И.С. Шмелева может быть раскрыто с помощью конкретных вербализаторов, их парадигматических и синтагматических связей, реализованных в текстах. В произведениях «Богомолье» и «Лето Господне» представлено более 100 контекстов, демонстрирующих национально-культурную специфику названной лингвокультуры.

Их анализ позволяет выделить несколько важных компонентов созданной И.С. Шмелевым модели исследуемой лингвокультуры.

1. Пища как знак благодарности или способ поощрения: «– А в Благовещенье на кулебячку не забудь позвать, напомни старосте... – хрипит Ломшаков, заглатывая подковку с маком. – С прошлого года вашу кулебячку помню» (Шм., с. 180)¹; «Крынкин говорит: “постой, *гостинчика* ему надо”. И несет мне тонкую веточку, а на ней две весенние клубнички. Говорит: “крынкинская, парниковая, с Воробьевки, – и поклончик *папашеньке*”» (с. 246); «– Не серчай уж. На, *сахарного петушка*» (с. 280).

2. Пища как символ объединения людей: «Щи со свиной – как огонь, а все хлебуют. Черпают из красной чашки, несут ко рту на хлебце, чтобы не пролить, и – в рот, с огнем-то! Жуют неспешно, чавкают так сладко. Слышно, как глотают, круто. – Таскай свининку, по череду! Славно, по порядку. И я таскаю. На красном деревянном блюде дымится груда красной солонины. Миска огурцов солевых, елочки на них, ледок. Жуют, похрустывают, сытно» (с. 281). Представленный контекст демонстрирует отношение к пище как божественному дару. Подчеркнута невыделенность субъекта, совместность, ритуализация процесса приема пищи.

3. Пища как указание на богатство русского стола, на широту русской души. В качестве средств художественной выразительности автор использует ряды однородных членов номинативного характера: «Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздоринские, – сахарные, розовые, горчичные, с анисом – с тмином, с солью и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный весовой с изюмцем, пеклеванный» (с. 201).

Рассказчику – семилетнему Ване – все окружающее кажется огромным и значительным, и гиперболизированное восприятие героем всего, что связано с пищей, подчеркивает, что столы, ломящиеся в праздник от изобилия еды, символизируют счастье и благополучие, что мир Божий – это богатый мир: «На большом подносе – на нем я могу улечься – темнеют куличи, белеют пасхи. На пуховых подушках, в столовой на диване – чтобы не провалились! – лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой – остывают» (с. 220); «Какой же великий торг! Широкие плетушки на санях – все клюква, клюква, все красное. Ссыпают в щепные короба и в ведра, тащат на головах. – Самопервеющая клюква! Архангельская клю-кыва!.. – Клю-ква... – говорит Антон, – а по-нашему и вовсе журавиха. И синяя морошка, и черника – на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники!» (с. 200); «– Теперь до Устьинского пойдет, – гриб и гриб! Грибами весь свет завалим» (с. 203). Примечательно, что и душевность, искренность связываются с хорошим аппетитом: «Меленковцы-то наши... каждый уж при своей лопате, как полагается – показывает мне Горкин. – Пятерик хлебца смякает и еще попросит. Народ душевный» (с. 186).

4. Пища как соблюдение традиции: «Молодцам поднесли по шкалику, и, разогревшиеся с работы, мокрые и от снега, и от пота, похрустывают они на воле

¹ Далее в ссылках на источник (Шм.) указываются только номера страниц.

крепкими, со льду, огурцами, белыми кругами редьки, залитой конопляным маслом, заедают ломтями хлеба – словно снежком хрустят. Хоть и Великий Пост, но и Горкин не говорит ни слова: *так уж заведено*, крепче ледок скипится» (с. 195); «У нас не как у Жирнова там, не калачами разгавливаемся, а *ешь по закону, как указано*. Дедушка его покойный *как указал*, так и папашенька *не нарушает*» (с. 226). Автор подчеркивает, что жизнь героев регламентируется, помимо церковных установлений, еще и традициями предков, соблюдение которых представляется чрезвычайно важным.

В художественном тексте Шмелева отметим особую значимость ритуала чаепития, которое длится достаточно долго и к которому герои относятся со всей серьезностью. Чаепитие – неперенный атрибут общения, будь то деловая или дружеская встреча. М.Г. Рабинович пишет о «появившемся у рядовых горожан в конце XVIII в. и распространившемся в XIX в. обычае чаепития, который... имел большое влияние на весь городской быт», о том, что «чаепитие развилось в различных формах: питья чая в трактирах (преимущественно мужчинами), домашнего угощения для посетителей (оно иногда было специфически женским) и, наконец, излюбленной семейной трапезы, без которой не начинают дня и не ложатся спать» [2, с. 242–243]. И.С. Шмелев показывает особое пристрастие русских людей к чрезвычайно горячему чаю, ведь тепло – символ жизни, а значит, и кипятилок для чая тоже живой: «Валит из самовара *пар*, валит и изо ртов, клубами: хлопают *кипяток*. Отец макает бараночку, Горкин потягивает с блюдца, почмокивает сладко» (с. 213); «Мы пьем чай очень долго... Домна Панферовна сидит, разваливши рот, еле передыхает, – по самое сердце допилась... Горкин говорит: пропотеешь – облегчит, а чай на редкость. Они с Антипушкой все стучат крышечкой по чайнику, еще *кипяточка* требуют... Они сидят друг против дружки, молча, держат на пальцах блюдечки, отдувают *парок* и схлебывают живой-то *кипяток*» (с. 79).

Особая роль в анализируемых произведениях И.С. Шмелева отводится и хлебу. Ю.С. Степанов совершенно справедливо относит концепт *хлеб* к константам русской культуры, получившим широкое отражение в древних ритуалах и культурных табу, в паремиологии, фольклоре, литературе и живописи. «Хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, “картошка – наш второй хлеб”. Во Франции, в Испании нищие просят “на чашечку кофе”, у нас – “на кусок хлеба”» [3, с. 285]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечается большое количество производных существительного *хлеб* (*хлебодар*, *хлебозор*, *хлебопашный*, *хлебород* и т. д.), употребление этого существительного в составе паремий, указывающих на важнейшую роль хлеба в жизни русского человека: «Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай»; «Хлеба ни куска, так и в горле тоска»; «Хлеб от рук отбивается – нет заработков»; «Хлеб в печи раздвоился – к отлучке одного из семян»; «Не слушай, хлеб-соль, – говорят за столом, при речи непристойной» (Даль, с. 552–553). В произведениях И.С. Шмелева хлеб является олицетворением стабильности, здоровья: «Его усаживают в угол, *под образа, где хлебный ящик*» (с. 280); «Горкин не велит щипать Матрешу, грозитя: “*беса-то не тешь за хлебцем!*”. *Хлеб* режет Горкин, раздает ломти. Кладет и

мне: огромный, все лицо закроешь. – *С хлебушка-то здоровее будешь, кушай. И зубки болеть не будут. У меня гляди – какие! С хлеба да с капустыки*» (с. 281).

Особенно важно, что к реализациям лингвокультуры «пища» в романах Шмелева относятся лексемы – наименования блюд и напитков, связанных с праздниками: «*На Вознесенье пекли у нас лесенки из теста – “Христовы лесенки”* – и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лесенку сломает – в рай и не вознесется, грехи тяжелые. Бывало, несешь лесенку со страхом, ссунешь на край стола и кусаешь ступеньку за ступенькой» (с. 240). В произведениях И.С. Шмелева названия праздничных блюд нередко выступают в роли символов того или иного церковного или народного праздника: блины – символ Масленицы, пасха – Воскресения Христова, Пасхи. С церковными праздниками связаны и названия разновидностей некоторых блюд: «Кулебяка с вязигой – называется “благовещенская”, на четыре угла: с грибами, с семгой, с налиమ్ей печенкой и с судачьей икрой, под рисом – положена к обеду, а пока – первые пироги» (с. 211). Значительная часть контекстов, связанных с указанными символами, содержит группы однородных членов номинативного характера, выраженных сочетанием существительных с прилагательными или причастиями: «Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост... Будут варить компот, делать *картофельные котлеты с черносливом и шепталой*, горох, *маковый хлеб* с красивыми завитушками из сахарного мака, *розовые баранки*, “кресты” на Крестопоклонной... *мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый*, бублики и сайки, *изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар* – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... а... *великая кулебяка* на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А *калья, необыкновенная калья*, с кусочками *голубой икры, с маринованными огурчиками*... а *моченые яблоки* по воскресеньям, а *талая*, сладкая-сладкая “*рязань*”... а “грешники”, с *конопляным маслом, с хрустящей корочкой*, с теплотой пустотой внутри!» (с. 179–180); «...на ужин будет *пареный кочан* капусты с *луковой кашей* и грибами, как всегда в Чистый Понедельник» (с. 189).

М. Забылин пишет: «Богатые люди имели обыкновение назначать себе блюда на целый год (гастрономический календарь), причем счет велся по церковным праздникам, по мясоедам и по постам; так что для каждого дня, соответственно его значению в церковном круге, назначался заранее стол» [4, с. 464]. Указывая на календарную заданность блюд, И.С. Шмелев подчеркивает упорядоченность быта и гармоничность внутреннего мира героев.

Скромная пища (молочная, мясная) во время православного поста становится для героев символом греха, а постные блюда воспринимаются как символ очищения, возвращения к святости: «И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем *скоромное, которое губит душу*, если и без того все вкусно?» (с. 179); «Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост» (с. 179); «Я знаю, что он *насушил себе черных сухариков с солью, и весь пост будет с ними пить чай – “за сахар”*» (с. 178).

Компоненты лингвокультуры «пища» используются автором в составе сравнений с природными явлениями, что подчеркивает синкретичность восприятия окружающего мира маленьким героем: «Даже веселый снег, вчера еще так хрустевший, вдруг почернел и мякнет, *стал как толченые орехи, халва-*

халвой – совсем его развезло на площади. *Будто и снег стал грешный*» (с. 186); «...зеленые куски льда – *будто постный лимонный сахар*» (с. 198); «А там – стопками ледяных тарелок – *великопостный сахар, похожий на лед зеленый*» (с. 202).

Анализ нашего материала позволяет сделать следующие выводы. Для созданной И.С. Шмелевым модели лингвокультуры «пища» характерно использование различных средств художественной выразительности, которые подчеркивают роль пищи в социализации носителя языкового сознания, помогают продемонстрировать своеобразие индивидуально-авторского видения мира и адекватно отразить национальную картину мира.

Summary

G.Kh. Gilazetdinova, L.N. Bagmanova. The Representation of the Linguocultureme “Food” in I. Shmelev’s Novels “The Pilgrimage” and “The Summer of the Lord”.

The article deals with the specificity of representation of the linguocultureme “food” in the discourse of I. Shmelev’s fiction. The author’s model of this linguocultureme is analyzed.

Key words: linguocultureme, linguocultureme model, linguocultureme verbalizers.

Источники

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 4. – 688 с.

Шм. – *Шмелев И.С.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 2. – 607 с.

Литература

1. *Воробьев В.В.* Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1994. – 76 с.
2. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
3. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – М.: Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
4. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным [Репринт. изд. 1880 г.]. – М.: Автор, 1992. – 615 с.

Поступила в редакцию
31.05.12

Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы и компаративистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ggilaz@mail.ru

Багманова Лилия Ниязовна – преподаватель русского языка средней школы № 18 г. Казани, соискатель кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: liliabagmanova@yandex.ru